

выпал снежок, так что можно было видеть следы. Ан поехал обратно в лес по следу Торольва, и он привел его к топкому месту. Там Ан стал шарить рукой и схватился за рукоятку меча. Ан решил заручиться свидетелями и поехал за Торарином в Селингсдальтунгу, и тот приехал вместе с Аном, чтобы вытащить меч. После этого Ан отвез Кьяртану меч. Кьяртан завернул его в платок и запер в ларь. То место, где Торольв со своими людьми спрятал меч, называется с тех пор Свердскельда (Мечевая топь). Об этом не было сказано ни слова, однако ножны так никогда и не нашлись. Кьяртан с тех пор не ценил уже свой меч так, как прежде.

Этот поступок очень задел Кьяртана, и он не хотел этого так оставить. Но Олав сказал:

– Не стоит обижаться. Это была нехорошая шутка с их стороны, но тебе она не нанесла ущерба. Не дадим другим людям случая посмеяться и не сделаем это поводом к ссоре с друзьями и родичами.

И после этих речей Олава Кьяртан успокоился.

Через некоторое время Олав собрался в гости в Лаугар на первые зимние ночи и стал уговаривать Кьяртана, чтобы тот тоже поехал. Кьяртану не хотелось ехать, однако он уступил просьбам отца и согласился. Хревна тоже должна была поехать и собиралась оставить дома свой головной платок. Торгерд спросила:

– Когда же ты начнешь носить свою драгоценность, если оставляешь ее лежать в ларе, отправляясь на празднество?

Хревна отвечала:

– Многие говорят, что я когда-нибудь, может быть, попаду в такое место, где найду меньше завистников, чем в Лаугаре.

Торгерд сказала:

– Я не слишком верю тем людям, которые раздувают вражду между домами.

И поскольку Торгерд настаивала, Хревна взяла свой головной платок с собой. Кьяртан не противился этому, когда увидел, что такова воля его матери.

После этого они собрались в путь и вечером прибыли в Лаугар, и их приняли хорошо. Торгерд и Хревна отдали свои платья на сохранение. И наутро, когда женщины должны были одеваться, Хревна стала искать свой головной платок, и тут оказалось, что его нет на месте, на котором он был оставлен. Его везде искали, но нигде не нашли. Гудрун сказала, что скорее всего головной платок был оставлен дома или она небрежно его уложила, и он выпал. Хревна рассказала Кьяртану о том, что платок пропал. Он отвечал ей и сказал, что нелегко уследить за ними, и просил ее молчать об этом, а затем рассказал своему отцу, что случилось. Олав отвечал:

– Как и в прошлый раз, я хочу, чтобы ты ничего не предпринимал и оставил это дело. Я тайно постараюсь все разузнать, потому что намерен сделать все, чтобы ты и Болли не стали врагами. Худой мир лучше доброй ссоры, – сказал он.

Кьяртан отвечал:

– Легко заметить, отец, что ты желаешь обеим сторонам только добра. Однако я не знаю, соглашусь ли долго скакать на таком хромом коне и быть посмешищем для людей из Лаугара.

В тот день, когда люди должны были уезжать с празднества, Кьяртан повел речь и сказал так:

– Обращаюсь к тебе, родич Болли, и тем самым прошу, чтобы ты отныне поступал с нами честнее, чем до сих пор. Я не хочу говорить это тайно, потому что многие уже знают о пропаже кое-чего с нашего двора, причем нам известно, что следы ведут к вашему двору. Осенью, когда у нас было празднество в Хьярдархольте, был похищен мой меч. Потом он был найден, но ножны пропали. А теперь снова пропала вещь, которую можно считать драгоценностью. Я хочу получить обратно и то и другое.

Болли отвечает:

– Мы не виновны в том, Кьяртан, в чем ты нас обвиняешь. Мы ожидали от тебя всего, но только не обвинения в воровстве.

Кьяртан говорит:

– Как мне кажется, тут были замешаны люди, за поступки которых ты мог бы заплатить выкуп, если бы хотел. Больше чем следует задеваете вы нас. Долгое время мы не отвечали на ваши враждебные поступки. Я заявляю теперь, что дальше так продолжаться не может.

Тут Гудрун отвечает на его речи и говорит:

– Ты ворошишь потухшие уголья, Кьяртан, которым лучше бы не тлеть. Если бы даже было так, как ты говоришь, что здесь есть некоторые люди, которые замешаны в том, что пропал головной платок, то я полагаю, что они взяли то, что им принадлежит. Предполагайте что угодно о том, куда